

вещ Н. Преодоление литературности // Наш современник. 1975. № 4. С. 178).

Роман «**Ефимов кордон**» (1978) воссоздает судьбу русского художника-самоучки Ефима Честнякова и охватывает период 1900–14. Посещавший мастерские Репина и Кардовского, он не прижился в холодном Петербурге, жил в уединении в деревне, продолжая творить. Известность пришла лишь после смерти. В роман включены проза, стихи, письма Е. Честнякова, нарисован чистый образ художника-праведника. Книгу наполняет стихия крестьянского фольклора, легенд и преданий, вера в неизмеримые духовные возможности русской деревни.

В сб. повестей «**Угол**» (1982) автор исследует этическую позицию людей «внешнего отношения», «компактной души», которые утратили способность распахнуть душу на встречу другому. Встречи с глубиной людского горя, с правдой жизни дают героям толчок к преодолению эгоизма и разрушению этой оболочки нечувствия, помогают осознать истину: «Среди людей надо жить так, как живут среди семьи, где нет чужих» (повесть «Угол»).

Стихи сб. «**День незабываемый**» (1999) написаны поэтом, уже принявшим священнический сан. «Каждое стихотворение излилось из глубины любящего, открытого человеку не поэтического только, но и пастырского сердца» (Курбатов В. Из глубины воззвух. С. 10). Стихи разнообразны, в них — и с открытой публицистичностью выраженная тревога за поруганное Отечество («Переломная эпоха... / Нет конца и края ей. / Переломов хряст и грохот — / В горькой памяти моей»), и призыв к тихому подвигу молитвы («Все в этом мире окупится только покоем, / Только покоем молитвенной кроткой души»). В поэзии Ш. «постоянны переходы от внешнего опыта к внутреннему, от чувственного видения — к внутреннему зрению, духовному оку» (Лебедев Ю.— С. 4).

Боль поэта-священника — созерцание поруганной и опустошенной души русского человека, растерзанной Родины («Не обольщайтесь ныне, / слыша церковный звон: / в душах-то — мертвый иней, / в душах-то — тяжкий сон»). Вместе с тем светлая, чистая интонация вовлекает читателя в живой мир любви и бодрствования, когда «никакое зло мира не скрыто, но все милосердно просвечено очистительным христианским знанием, как это было у его давних и недавних предшественников: у Некрасова... у Никитина, у Рубцова» (Курбатов В. Из глубины воззвух. С. 10). Стихи пропитывает чистая музыка праздничных тропарей, красота церковнославянско-

го яз. («Ты Господом среди темных трав замечен, / Назнаменован дланию Его»).

Диалог природы и человека, вечности и минуты воплощен в поэме «**День незабываемый**», герой которой, мальчик, сын священника, несет бремя происхождения с достоинством и ответственностью. Природа, явленная отроку в минуту откровения, запоминается на всю жизнь как Божие слово. В творчестве Ш. находит развитие традиция русской христианской лирики. По словам В. Курбатова, «поэтическая религиозная речь возвращается в живой, деятельной, преображающей и спасительной силе. И сам наш мир... раскрывается в свете и чудесной дали небесного свидетельства: „И вдруг поймешь: весь мир родной намолен / И к Господу открыта всюду высь. / Среди леса ли, среди ли чиста поля / Смирненно на колени опустись“» (Курбатов В. Из глубины воззвух. С. 10).

Соч.: Романтикам. Ярославль, 1964; Китеж. Ярославль, 1967; Красносельские ювелиры: [проза]. Ярославль, 1968; На ярмарках осени. Ярославль, 1971; Вохомский хоровод. М., 1971; Вечерние холмы. М., 1973; Проселок. Ярославль, 1974; Вечный путь: роман. М., 1974; Ефимов кордон: роман. М., 1979; Ивовый снег: Стихи, поэмы. М., 1982; Угол: Повести и рассказы. М., 1982; К земле неведомой: роман. М., 1985; Зарницы: Стихи, поэмы. Ярославль, 1991; Костромская чудотворная икона Божией Матери Феодоровская. Кострома, 1993; День незабываемый. Кострома, 1999.

Лит.: Меженков В. Северная элегия // Советская Россия. 1968. 15 авг.; Оботуров В. В большой мир // Наш современник. 1971. № 4. С. 125–126; Курбатов В. Зов глубины // Волга. 1974. № 19. С. 172–174; Ненько И. Испытания Шуры Летова // Лит. обозрение. 1974. № 4. С. 21–23; Строков П. Призвание Александра Летова // Молодая гвардия. 1974. № 7. С. 278–283; Максименко И. [Рец.: «Угол»] // Лит. обозрение. 1984. № 1. С. 80; Добровольский О. Времен связующая нить. М., 1984. С. 135–150; Лебедев Ю. Возвращение к святыне // День незабываемый. Кострома, 1999. С. 3–6; Курбатов В. Из глубины воззвух // Лит. Россия. 2000. № 14. С. 10.

А. М. Любомудров

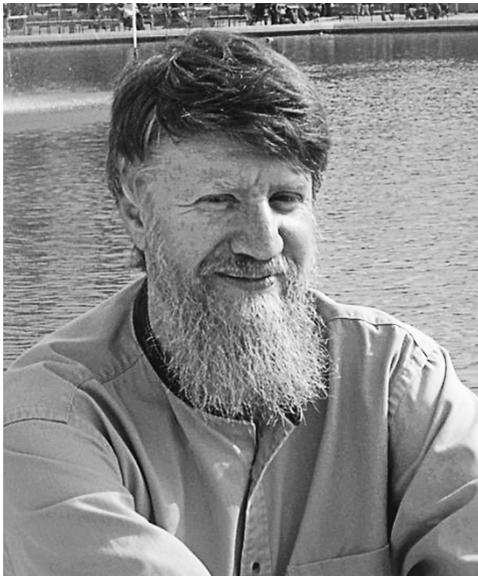
ШАРОВ Владимир Александрович [7.4.1952, Москва] — прозаик.

Отец биолог, участник Великой Отечественной войны. Ш. окончил 2-ю математическую школу в Москве, поступил в Плехановский ин-т, который вынужден был оставить. Заочно окончил исторический ф-т Воронежского ун-та, потом учился в аспирантуре, защитил канд. дис. по истории Смутного времени. По словам Ш, «советскую власть он давно

на дух не переносил». Ей не мог он простить миллионы расстрелянных и погибших в лагерях, в т. ч. две трети его семьи, и «вездесущую фальшь, бездарность» (**«Это я; Я прожил жизнь»**).

С начала 1990-х Ш. начинает публиковать свои романы в «толстых» ж.: **«След в след»** (Урал. 1991. № 6–8), **«Репетиции»** (Нева. 1992. № 1–2), **«До и во время»** (Новый мир. 1993. № 3–4), **«Мне ли не пожалеть»** (Знамя. 1995. № 12), **«Старая девочка»** (Знамя. 1998. № 8–9), **«Воскрешение Лазаря»** (Знамя. 2002. № 8–9). Пытаясь сформулировать свое кредо, Ш. говорил об образе мира, возникшего в его худож. воображении и воплощаемого в романах: «Есть образ мира, который я хочу записать и пишу так, чтобы его переместить на бумагу». И еще: «Я себе кажусь реалистом. Никаким постмодернизмом я себя не считаю. (**«Есть образ мира, который я хочу записать»**).

Критики и литературоведы, однако, видят в Ш. писателя-постмодерниста (В. Курицын, И. Скоропанова, И. Роднянская и др.). По мнению Н. Лейдермана и М. Липовецкого, роман Ш. написан в русле постмодернистского квазиисторизма (Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Совр. русская лит-ра. 1950–1990-е гг. М., 2002. С. 478.). В романах Ш. герои носят исторические имена, действие протекает в хронологически точно зафиксированных отрезках времени (г-жа де Сталь, Николай Федоров, Сталин и мн. др.). Они не

В. А. Шаров

соответствуют ни в коей мере своим историческим прототипам. М. Нехорошев в статье «История: Модель и личность» замечает, что Ш. мистифицирует биографии своих героев. В. Курицын подчеркивает, что история у Ш. не имеет отношения к тому, как это было на самом деле (Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001). Ш. привлекают проблемы философские, богословские. Ш. создает специфический образ мира таким, каким он преломился в сознании людей отдельных замкнутых групп. К примеру, в романе **«Репетиции»** — община в д. Мшаники, в романе **«Мне ли не пожалеть...»** — хор Лептагова «Большая Волга».

В каждом из романов высвечивается, выдвигается на первый план одна из граней, составляющих образ мира, но в той или иной степени разработанности предстает весь круг проблем, которые Ш. пытается не только обозначить, но и решить.

Романы Ш. однотипны. Есть герой или несколько героев-повествователей, в их распоряжении оказываются архивные материалы, дневники, забытые документы. В романе **«След в след»** Сергей Петрович Колоухов получает в наследство после смерти своего приемного отца Федора Николаевича Голосова, «главного действующего лица, а по большей части и автора», его архив. В романе «Репетиции» молодой историк знакомится с архивом известного сибирского историка Суворина, последнего ученика С. Ф. Платонова, находит рукопись Сертана, владельца французской трупы, который по приказу Никона репетирует с крестьянами мистерию о втором пришествии Христа. В романе «До и во время» немалую роль в формировании идей героя играет «Синодик» Ивана Грозного. В романе «Старая девочка» дневники Веры Радостиной — предмет тщательного изучения текстов самого высокого уровня. На дневниковых записях героини, разочаровавшейся в советском настоящем и решившей вернуться назад, в прошлое, строится вся работа чекистов, которым нужно сорвать опасный замысел героини. Внимание Ш. нередко останавливается на героях с нарушенной психикой, они страдают потерей памяти и становятся пациентами психиатрических клиник.

Герои, увлеченные своими идеями, предлагают свои объяснения, создают свой мир, который Ш. «кладет на бумагу».

Названия романов Ш. отличаются краткостью, но суть произведений, то, ради чего они писались, отчетливо очерчена, главная проблема в заглавиях писателя сформулиро-

вана. В романе «След в след», над которым писатель, по его утверждению, работал с 1978 по 1984, намечены проблемы, которые перейдут в его более поздние книги. Герой-повествователь делает находки в архиве Троице-Сергиевой лавры, на их основе распутывает родословную своего приемного отца Голосова на протяжении целого столетия, начиная с прадеда и идущих за ним «след в след».

Здесь множество событий, имен, переплетений человеческих судеб. В романе намечена тема возникновения особого рода общины (эсеры, большие-хроники психиатрической клиники). Сергей Крейцвальд, будучи арестован, попадает в камеру эсеров, слышит народнические предания, потом собирает материал о деятельности эсеров, заблеивает, оказывается в психиатрической лечебнице. Наблюдения за жизнью больных хроников наталкивает его на мысль о существовании какой-то общины хроников. Смысл названия романа «След в след» расшифровывается в выводе повествователя о важнейшей черте рукописи: «...вообще род наследования, семья, отец в различных транскрипциях и трансформациях почти маниакально присутствует в каждой рукописи».

Болезненная для писателя тема — следователь — обвиняемый, палач — жертва, поднятая в романе, будет переходить из одного романа Ш. в другой, усложняясь и занимая все больше места в повествовании. В романе она отдана Николаю Ивановичу Старолинскому. Писателю он интересен как автор книги под условным названием «Поэтика допроса», в которой предлагаются секреты изощренной технологии допроса, он же изобретает новые папки с надписью — «Хранить вечно».

Название романа «Репетиции», работа над которым приходится на вторую половину 1980-х (1986–88), призвано подчеркнуть особый смысл долгих репетиций Сертана «Мистерии о втором пришествии Христа», ибо эти репетиции с распределением ролей, их трудным разучиванием стали важной частью жизни самодетельных актеров и сформировали их взгляд на мир через призму средневековой мистерии: «И потом еще очень долго, два века, они держались и верили в это. Изменила все только революция».

Заглавие романа «До и во время» — своеобразная подсказка читателю для более или менее адекватного замыслу писателя прочтения его романа. Герой-повествователь пишет книгу о г-же де Сталь. После травмы у него начинаются провалы памяти. До — это

достаточно напряженная интеллектуальная жизнь, во время — провалы в памяти, психиатрическая клиника, сдвиги во времени, фантастические идеи, трансформации исторических героев. Точкой отсчета для развернутой цепи удивительных метаморфоз героев, носящих исторические имена, стала Жермена де Сталь, узнавшая из семейного архива секрет продления жизни и прожившая жизнь трех поколений. В третьем поколении она активно участвует в жизни Советского Союза.

Над романом «Старая девочка» Ш. работал с 1994 по 1997. Название романа соотносено с главной героиней Верой Радостинной. Для героини в пору ее молодости «революция была прекрасной сказкой, гадким утенком, золушкой, которая вдруг становится королевой», но в 1937 она начала понимать, что что-то идет не так и «нужно опамятоваться, вернуться и вписать революцию в историю России». «Вписать так, чтобы ни у кого и тени сомнения не было, что именно революция — истинный наследник прошлого, именно она помазанник Божий, а не какой-то там самозванец». И героиня возвращается в прошлое, в итоге превращается в «старую девочку».

Критическая мысль не обошла вниманием романы Ш., но пока нет единства в оценке его произведений: примером может служить резкое расхождение в мнениях новомирцев по поводу публикации на страницах «Нового мира» романа «До и во время» (см.: «Сор из избы...»). Против публикации романа высказались и некоторые новомирцы. С. Костырко увидел в романе Ш. симптом появления новой разновидности конъюнктурной лит-ры, адресованной узкому кругу интеллигенции. И. Роднянская отметила ряд исторических ошибок писателя, прочла «До и во время» как постмодернистское произведение. Более развернутый критический анализ романа Ш. И. Роднянская предложила в статье «Гипсовый ветер (О философской интоксикации в текущей словесности)» (Новый мир. 1993. № 12).

В романе «Воскрешение Лазаря» (1997–2002) писатель вновь обращается к идеям Н. Федорова. На сей раз они материализованы. Два героя романа поселяются вблизи кладбища и пытаются воскресить своих отцов. Давняя переписка Николая Кульбарсова и чудом сохранившиеся исследования Серегина, ученого, погибшего в лагере, дают возможность «воскресить» отцов, понять, что же было главным в их жизни. «Воскрешение Лазаря» — роман о трудности поисков пути спасения, о том, насколько разными эти пути могут быть (Федор (Феогност), Николай Куль-

барсов, Серегин). Ш. активно использует библейские притчи (о Вавилонской башне, об Адаме и Еве, Иове, Каине и Авеле, воскрешении Лазаря). Герои задумываются о сокровенном их смысле. Серегин предлагает свою версию прочтения Евангелия, свою трактовку образа Христа.

Ш. — трижды лауреат премии ж. «Знамя». Третья премия ж. «Знамя» присуждена Ш. за роман «Воскрешение Лазаря».

Соч.: След в след. М., 1996; До и во время. М., 1995; Есть образ мира, который я хочу записать... / беседа ведет Вл. Березин // Дружба народов. 1996. № 8; Это я: Я прожил жизнь // Дружба народов. 2000. № 12; Однажды в «Знамени»: Говорят лауреаты «Знамени» // Знамя. 1999. № 3; 2001. № 1; 2003. № 3; Несколько мыслей в защиту либерализма // Дружба народов. 2001. № 10.

Лит.: Сор из избы. Вокруг романа Владимира Шарова «До и во время» // Новый мир. 1993. № 5; Нехорошев М. История: Модель и личность // Нева. 1994. № 4; Бавильский Д. Ниши Шарова // Новое лит. обозрение. 1997. № 28; Бавильский Д. Бумажная архитектура: Владимир Шаров: покушение на миражи // Лит. газ. 1998. № 17; Липовецкий М. Н. Наралогия русского постмодернизма // Новое лит. обозрение. 1998. № 30.

А. И. Филатова

ШАРШУН Сергей Иванович [4(16).8.1888, Бугуруслан Самарской губ. — 24.11.1975, Париж] — прозаик, поэт, живописец, график.

Отец — купец, словак по национальности, мать — русская. Окончил коммерческую школу в Симбирске, в 1910 приехал в Москву, где занимался в худож. студиях И. И. Машкова и К. Ф. Юона, познакомился с М. Ф. Ларионовым, Н. С. Гончаровой, А. Е. Крученых. В 1912 приехал в Париж с целью посвятить себя живописи, учился в Русской Свободной академии и Академии кубистов Ла Палетт у Ж. Метценже, Д. де Сегонзака и А. Ле Фоконье, который особенно сильно повлиял на Ш. В 1913 и 1914 выставлял свои кубистские картины («Эластические композиции») в Салоне независимых; в 1916 в Барселоне сблизился с французскими дадаистами (Ф. Пикабиа, А. Краван, М. Лорансен) и тогда же написал первые абстрактно-геометрические картины (см. мемуарный очерк Ш. «Мое участие во французском дадаистическом движении» // Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967), выставившиеся в салонах «Дада» и Независимых (1921); в середине 1920-х стал работать в стилистике «орнаментального кубизма». В 1921–23

С. И. Шаршун

провел 15 месяцев в Берлине, общался там с Андреем Белым, А. Б. Кусиковым, Б. Б. Божневым, В. Я. Парнахом и др. В 1921 напечатал брошюру «Слепой мозг. Перевод Дада» и поэму на французском яз. «Foule Immobile» («Неподвижная толпа») с дадаистическими иллюстрациями (2-е изд.: Paris, 1966).

В 1921 Ш. стал участником парижской «Палаты поэтов», а также лит.-худож. кружков «Гатарапак» и «Через»; на поэтических вечерах «читал удивленным слушателям с невозмутимой серьезностью вполне непонятные стихи» (Юлиус А. Русский лит. Париж 20-х годов // Современник. Торонто. 1966. № 13. С. 87). С 1925 примкнул к деятельности парижского Союза молодых писателей и поэтов, посещал заседания «Зеленой лампы» и «воскресенья» у Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Будучи приверженцем учения Р. Штейнера, Ш. с начала 1930-х входил в парижский антропософский кружок, возглавлявшийся Н. А. Тургеновой. При этом Ш. «был в добрых отношениях со всеми, но в то же время умел держаться от всех в стороне. <...> Он был прирожденным одиночкой, сосредоточенным исключительно на своем» (Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 305); «...не на одном уровне с остальными, а немного выше их, или немного в стороне от них <...> Другого измерения или с другой планеты — чужой и непонятный» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989.